

Н.С. Тихонравов

Граф Ф.В. Растопчин

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.С. Тихонравов**
Граф Ф.В. Растопчин / Н.С. Тихонравов – М.: Книга по Требованию, 2014. –
72 с.

ISBN 978-5-458-07044-7

Граф Ф.В. Растопчин и литература в 1812 году

ISBN 978-5-458-07044-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

и русская стихія находила себѣ доступъ къ ребенку черезъ людей, окружавшихъ первые его годы. Въ этомъ отношеніи не послѣднюю роль играла мама. Растопчинъ говоритъ, что и онъ «имѣлъ десятка съ три заморскихъ учителей; но, помня поученія священника Петра и слова мамы Герасимовны, остался русскимъ». По нравственному вліянію па питомца Растопчинъ ставитъ русскую маму выше всякихъ французскихъ *bonnes*. «Хотя мамы эти, хаживавшія за дѣтьми, и были простыя барскія барыни, безъ просвѣщенія, въ набойчатыхъ или ситцевыхъ кофтахъ, съ повязаннымъ на головѣ платкомъ, но онѣ отнюдь у дѣтей ни умовъ, ни сердецъ не портили; хотя и пугали ихъ волками, мертвецами, смертью—курноской, но не говаривали, что отецъ дуракъ, мать зла, что все послѣ дѣтямъ достанется. И чѣмъ жены англійскаго конюха, швейцарскаго пастуха и нѣмецкаго солдата должны быть лучше. умнѣй и добродѣвнѣй женъ нашихъ прикащиковъ, дворецкихъ и конюшихъ?» Такковы собственныя слова Растопчина (въ повѣсти: *Охъ французы!*), на опытѣ основанныя. На него самого это вліяніе могло быть тѣмъ сильнѣе, что до пятнадцати лѣтъ большую часть года проводилъ онъ въ селѣ отца своего — Козмодемьянскомъ ⁽²⁾. Въ 1775 году Растопчинъ сдѣланъ былъ пажомъ, потомъ служилъ лейб-гвардіи въ Преображенскомъ Полку. Онъ рано обратилъ на себя вниманіе императрицы Екатерины, которая, въ разговорѣ съ Мамоновымъ, такъ выразилась о немъ «у этого молодого человѣка большой лобъ, большіе глаза и большой умъ ⁽³⁾». По словамъ г. Булгакова, императрица «удостоивала его чести участвовать въ отборномъ ея обществѣ, въ которомъ блистали, между прочими, Сегюръ, Кобенцель, Гербертъ, Шуваловъ». Даръ замѣчать смѣшное и искусно выставлять его на показъ другимъ рано обнаружился въ Растопчинѣ. Часто, забавляя общество императрицы остроумными разсказами и замѣчаніями, Растопчинъ въ

(2) «Я здѣсь (пишетъ Растопчинъ къ П. Д. Циціанову изъ Козмодемьянска) смотрю и наполненъ тысячею воспоминаніями. Я здѣсь жилъ до 15 лѣтъ мѣсяцовъ по девяти въ годъ, первый годъ моей женитьбы наединѣ съ женою и узналъ всѣ ея добродѣтели; здѣсь родился Сергуша и я позналъ неизвѣстное чувство стать отцомъ. Много здѣсь со мною было непріятнаго, но все окончилось». За сообщеніе драгоценныхъ писемъ Растопчина къ Циціанову, также писемъ С. Р. Воронцова и Головина къ Ѳ. В. Растопчину, мы обязаны благосклонности графа Андрея Ѳеодоровича Растопчина. Въ настоящемъ сочиненіи мы по возможности пользовались этою любопытною перепиской; когда-нибудь она, вѣроятно, напечатается вполнѣ и доставитъ прекрасныя подробности для исторической картины нашего общества, въ началѣ настоящаго столѣтія.

(3) «Отечеств. Записки», 1826 г., ч. XXVI, стр. 54.

то же время и самъ имѣлъ случай изощрять этотъ даръ и запасаться новыми наблюденіями, сталкиваться съ противоположными мнѣніями. Собранія императрицы въ Эрмитажѣ раздѣлялись на большія, среднія и малыя. Извѣстно, что въ послѣднихъ принимало участіе только то отборное общество, которое составлялось изъ людей, пользовавшихся особеннымъ вниманіемъ ея за умъ, таланты, или заслуги отечеству. Въ малыхъ собраніяхъ забавы не связывались этикетомъ и походили скорѣе на откровенную бесѣду близкихъ другъ къ другу лицъ. *Литературная игра* была здѣсь однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ явленій. Вотъ въ чемъ она состояла. Императрица, или кто-нибудь изъ присутствующихъ, по ея желанію, предлагалъ на лоскуткѣ бумаги вопросъ или текстъ, какой приходилъ ему въ голову. Потомъ каждый изъ присутствовавшихъ обязанъ былъ, не приготовляясь и прочитавъ только послѣднія слова предъидущей фразы, продолжать ее или опровергать». Слѣдующіе два листка, такимъ образомъ составившіеся, всего лучше могутъ ознакомить съ характеромъ и ходомъ *литературной* игры избранныя общества императрицы (4).

Листокъ 1-й «*Главныя правила эрмитажныхъ вечеровъ*. Писать четко, и это по первому пункту. Читать громко и явственно, помнить о зрѣломъ смыслѣ, но привѣщивать къ нему добрую порцію веселости.

Не лгать — было бы прекрасною и доброю вещью.

Не уклоняться отъ предмета.

Не слишкомъ разглагольствовать.

Не льстить.

Не пускаться въ эпиграммы.

Кидать на бумагу первую мысль, которая взбредетъ въ голову — безъ чванства.

Въ особенности, господѣ, не злословить.

Иначе тотчасъ закрою засѣданія (*Екатерина*).

Быть исправну въ своей должности, т. е. сдѣлать двѣнадцать антрша прежде чѣмъ возьмешься за перо.

(4) Листки этихъ малыхъ собраній сохранилъ Левъ Александровичъ Нарышкинъ, составившій такимъ-образомъ довольно-обширный портфель. П. П. Свиныинъ, получивъ эти драгоценные документы отъ К. А. Нарышкина, напечаталъ нѣкоторые изъ нихъ въ статьѣ: *Литературныя забавы Екатерины Великой въ Эрмитажѣ* («Сынъ Отечества», 1836 г., № 2, ч. 175-я, Отд. 1, стр. 81—97). Изъ нея заимствуемъ мы два листка вмѣстѣ съ пояснительными подробностями.

Не задавать предметовъ, о которыхъ нѣчего говорить, каковы: смерть Буцефала, и тому подобное.

Стараться, чтобъ академія наша держалась какъ—можно—долѣе.

Самый лучший способъ для сего имѣть умъ за четверыхъ, хотя бы было насъ сорокъ (*Екатерина*).

Или ума за сорокъ, хотя бы было насъ четверо.»

Листокъ 2-й «*Дорога, которою думаю достичь безсмертія*».

Много есть дорогъ, которыми его достигаютъ, но одинъ случай указываетъ, которую избрать.

Я стану за санями у ея величества.

Берегитесь: дорога, по которой сани ея величества ѣздить, сказывала мнѣ моя кормилица, еще ухабиствѣ дороги на островъ, гдѣ мы сегодня обѣдали (*Екатерина*).

Добрый отдыхъ послѣ добраго обѣда.

Я сдѣлаюсь безсмертнымъ мученикомъ за терпѣніе мое съ людьми скучными.

Я поѣду въ свитѣ г. Томаса.

Веселая кампанія, но врядъ ли дорога къ безсмертію (*Екатерина*)».

Таковы были собранія, въ которыхъ Растопчинъ игралъ, вѣроятно, не послѣднюю роль и которыя можно назвать литературною его школою. «Игра», учрежденная императрицею, исключала совершенно риторическія фигуры и высокопарность, къ которымъ съ такою любовью обращались многіе прославленные писатели того времени; она незамѣтно отдаляла Растопчина отъ риторическаго направленія и указывала ему противоположный путь. Къ тому же онъ не былъ писателемъ ex professo и не имѣлъ нужды подчинять свои произведенія извѣстнымъ литературнымъ понятіямъ и условіямъ, въ его время господствовавшимъ, тѣмъ болѣе, что иное набрасывалъ онъ только для себя и, кажется, не имѣлъ намѣренія печатать. Сюда относимъ мы одно довольно—замѣчательное его произведеніе. Въ 1784 графъ оставилъ службу и отправился за границу. Изъ этого путешествія вынесъ онъ богатый запасъ остроумныхъ наблюденій, которыя и передалъ въ своихъ запискахъ о «Путешествіи по Пруссіи»⁽⁵⁾. Растопчинъ обращалъ вниманіе на экономическія условія тѣхъ странъ, черезъ которыя проѣзжалъ, постоянно сравнивая ихъ съ Россіею. Въ неизданномъ *Возраженіи на книгу графа Строиновскаго* онъ говоритъ, между прочимъ: «Я самъ путешествовалъ почти четыре года и не въ юности моихъ лѣтъ; былъ

⁽⁵⁾ Напечатаны въ «Москвитинѣ» 1849 года, №№ 1, 10, 13, 15; въ «Сочиненіяхъ графа Растопчина», изданныхъ А. Смирдинымъ, пропущены.

во всей нѣмецкой землѣ, во всей Швейцаріи, видѣлъ часть Франціи, всю Италію, на которую такъ часто ссылается сочинитель, и повсюду видѣлъ многія тысячи людей въ томъ бѣдномъ и бѣдственномъ состояніи, о каковомъ ни послѣдній у насъ изъ націи просящій милостыню не можетъ себѣ сдѣлать понятія; ибо сіи у насъ не только принадлежатъ къ какому нибудь селенію, но имѣютъ въ ономъ или домъ, или землю, которую называетъ, по праву и сущности, своею: ибо онъ ею владѣетъ и часто у него есть овца и корова своя; а тѣ, конечно, пользуются и свободою и правомъ прибрѣтать собственность, но иногда ничего прибрѣсть не могутъ и, кромѣ рукъ и ногъ, ничего не имѣютъ, ниже куда голову преклонить отъ дождя и зноя. Входилъ въ подробное размышленіе и наблюденіе народонаселенности и промышленности, видѣлъ и слышалъ все съ отечествомъ моимъ, которое никогда не выходило у меня изъ мыслей, и когда что находилъ желательнаго, чтобы ввести у насъ, то по большей части видѣлъ тому препятствіемъ недостаточное населеніе — долго еще въ Россіи не можетъ достигнуть до той степени, въ какой оно въ другихъ странахъ.»

Подобныя наблюденія не вошли въ записки о путешествіи по Пруссіи. Въ нихъ Радопчинъ говоритъ преимущественно объ общественной жизни, сословіяхъ, нравахъ страны, о впечатлѣніи, которое производятъ города ея, и, наконецъ, касается личныхъ сношеній своихъ съ замѣчательными людьми, встрѣчавшимися ему во время пребыванія въ Пруссіи. Необыкновенное остроуміе, оригинальность, самостоятельность взгляда, отсутствіе всякой заатаенной мысли отличаютъ записки Радопчина. Это не Фонвизинъ, который въ письмахъ изъ чужихъ краевъ съ такою желчью описываетъ свое путешествіе, съ такимъ ожесточеніемъ нападаетъ на заграничную жизнь, цикаго не избавляя отъ беспощадныхъ насмѣшекъ; въ запискахъ Радопчина вы не найдете пристрастныхъ и безотчетныхъ обвиненій; взглядъ его свѣтелъ и незатемненъ посторонними цѣлями или личною антипатіею Фонвизинъ писалъ свои письма не для публики, какъ и Радопчинъ — записки о своемъ путешествіи. По меткости и наблюдательности, оба произведенія могутъ быть поставлены рядомъ; но у Фонвизина нѣтъ того безпристрастнаго взгляда, который высказывается у Радопчина. Гораздо-разительнѣе разница между записками графа и «Письмами Русскаго Путешественника», какъ произведеніемъ чисто-литературнымъ, назначеннымъ для публики. Въ предисловіи ко второму изданію ихъ Карамзинъ говорилъ «Я хотѣлъ при новомъ изданіи многое переменить въ сихъ Письмахъ, и... не переменялъ почти ничего. Какъ онѣ были писаны, какъ удостоились лестнаго благоволенія публики, пусть такъ и остаются»

ся. Пестрота, неровность въ слогѣ есть слѣдствіе различныхъ предметовъ, которые дѣйствовали на душу молодого, неопытнаго русскаго путешественника *онъ сказывалъ друзьямъ своимъ, что ему приключалось, что онъ видѣлъ, слышалъ, чувствовалъ, думалъ — и описывалъ свои впечатлѣнія не на досугѣ, не въ тишинѣ кабинета, а гдѣ и какъ случалось, дорогою на лоскуткахъ, карандашемъ*». Карамзинъ проситъ извинить нѣкоторыя мелочныя подробности, встрѣчающіяся въ его письмахъ, потому-что «человѣкъ въ дорожномъ платьѣ, съ посохомъ въ рукѣ, съ котомкою за плечами, не обязанъ говорить съ осторожною разборчивостію какого-нибудь придворнаго, окруженнаго такими же придворными, или профессора, сидящаго въ шпанскомъ парикѣ, на большихъ ученыхъ креслахъ. А кто въ описаніи путешествій ищетъ однихъ статистическихъ и географическихъ свѣдѣній, тому, вмѣсто сихъ писемъ, совѣтую читать Бишингову Географію» (6). Казалось бы, такими словами Карамзинъ отстраняетъ отъ своихъ «Писемъ» всякія литературныя условія и формальности; но мы не рѣшаемся вѣрить его свидѣтельству, что «Письма» писаны «не на досугѣ, не въ тишинѣ кабинета, а гдѣ и какъ случалось». Въ противномъ убѣждаетъ насъ одно важное обстоятельство. Въ «Письмахъ Русскаго Путешественника» находимъ многія мѣста, цѣлкомъ заимствованныя изъ иностранныхъ писателей: Морица (7), Мура (Moore) и другихъ; а такія заимствования предполагаютъ кабинетную работу. Откуда же объяснить противорѣчіе между предисловіемъ къ «Письмамъ Русскаго Путешественника» и самымъ сочиненіемъ? — Трудно отвѣчать на этотъ вопросъ. Кажется, Карамзинъ, тогда еще молодой и неизвѣстный, думалъ этою оговоркою указать на легкій, бельлетристическій характеръ «Писемъ», хотѣлъ привлечь читателей, отрекаясь отъ всякихъ сухихъ недантическихъ пріемовъ ученаго. Но заимст-

(6) «Письма Русскаго Путешественника» (М. Въ Унив. тип. у Хр. Ридгера и Хр. Клаудія 1797) ч. I, стр. 5 — 8. Въ смрдлинскомъ изданіи сочиненій Карамзина, это предисловіе не перепечатано.

(7) На заимствованія Карамзина изъ Морица высказывались намеки еще при жизни автора «Писемъ». Въ статьѣ «*О слогѣ господина Карамзина*» читаемъ: «Путешествіе г-на Карамзина, которое очень неосновательно уподобляютъ Стернову и *которое гораздо болѣе сходствуетъ съ Морицовымъ* — драгоценное хранилище идей, чувствованій и т. д. «Аглая», издаваемая К. П. Шаликовымъ, 1808, май, стр. 57 Извѣстное описаніе рейнскаго водопада, помѣщаемое въ нашихъ хрестоматіяхъ, взято изъ статьи, напечатанной еще въ Дѣтскомъ Читеніи (изд. 2-е, ч. XVIII, стр. 25 — 30). «Рейнскій Водопадъ», переведенный (какъ сказано въ журналѣ) изъ описанія одного путешественника.

нія его почти всегда такъ вѣрны источнику своему, что «Письма Русскаго Путешественника» не могутъ похвалиться новостью и оригинальностью взгляда, что, впрочемъ, и трудно было ожидать отъ писателя столь-молодаго, долженствовавшаго явиться на судъ публики съ недоуриемъ къ своимъ силамъ. Растопчинъ для себя набрасывалъ записки о своемъ путешествіи; ему не нужны были справки съ иностранными сочиненіями, и довольно было отмѣтить тѣ происшествія, или предметы, которые особенно поразили его. Вообще, частое отсутствіе въ русской литературѣ XVIII столѣтія здравыхъ идей о значеніи писателя имѣло вредное вліяніе на самый характеръ и направленіе ея. Большинство писателей убѣждено было, что ходульность или, по-крайней-мѣрѣ, совершенное отрѣшеніе отъ обыкновеннаго тона и настроенія челоуѣка есть необходимое условіе литературнаго произведенія. Превеличенная сантиментальность, такъ называемый высокой слогъ были слѣдствіемъ этого убѣжденія. Этихъ стѣснительныхъ условій не соблюдалъ Растопчинъ, потому-что не считалъ себя писателемъ ex professo. Черезъ это много выигрываютъ его «Записки о путешествіи по Пруссіи». Простота изложенія, отсутствіе всякихъ риторическихъ украшеній придаютъ имъ особенную привлекательность и свѣжесть, какъ и живымъ статьямъ нашихъ сатирическихъ журналовъ или, напримѣръ, запискамъ Данилова. Къ этому отдѣлу литературы можетъ быть отнесено и путешествіе по Пруссіи. Чтобы показать, какъ интересны отдѣльныя подробности этихъ записокъ, приведемъ разсказъ о посѣщеніи Сан-Суси въ самое время кончины Фридриха Великаго

«На дорогѣ все осталось въ тишинѣ. Крестьяне работали; дѣти въ селеніяхъ играли; скотина ходила спокойно въ полѣ. Что было болѣе Великаго Фридриха на свѣтѣ? Бытіе его пресѣклось, но ни мало вокругъ его не нарушило порядка дневнаго. Сколь мало существо челоуѣка! Землетрясеніе, громъ, дождь, вихрь приводятъ все въ безпорядокъ, а смерть Великаго Фридриха ничево не разстроила. Мы пріѣхали прямо въ Сан-Суси. Прошедъ двѣ комнаты, вошли мы въ спальню. Я съ почтеніемъ обратилъ глаза на альковъ, въ коемъ стояла кровать, полагая, что тутъ лежало тѣло Великаго Фридриха. Но въ самое то же время увидѣлъ нѣчто походящее на челоуѣка, сидящаго въ креслахъ и покрытаго синимъ плащемъ. Тутъ холодный потъ покрылъ мое лицо, не отъ страха, потому-что я мертвыхъ до-сихъ-поръ не боюсь, а отъ процесшагося мгновенно размышленія, что тотъ, кто былъ столь достойно великъ, преобращенъ въ ничто и сокрытъ отъ глазъ людскихъ, яко предметъ обезображенный. Никогда бы я не имѣлъ духу просить, чтобы его открыли, дабы взглянуть хоть разъ, и то въ первый и по-

слѣдній, на почтеннаго мертвеца; но швейцарь, мой товарищъ, обратился къ гусару, коего мы застали тутъ въ комнатѣ, свое платье надѣвающаго, спросилъ «можно ли посмотрѣть покойника?» — «Для чего иѣтъ? отвѣчалъ безчувственный слуга — я его всѣмъ показываю». И за сими словомъ, потянулъ плащъ, открылъ намъ лицо и корпусъ Великаго Фридриха. Тѣло мое, повинаясь чувству души, уклоняясь по землѣ, отдало послѣдній долгъ сему великому мужу. Я, на него устремляясь, спѣшилъ смотрѣть, не помню долго или коротко; но увидя его, до-сихъ-поръ еще не забылъ. Волосы его, довольно-густые, были всѣ бѣлые; лицо осталось совершенно такое, какъ изображается на всѣхъ портретахъ; на одной сторонѣ рта губы цемнаго крѣпко были сжаты, натурально или, можетъ-быть, отъ тисненія при снятіи съ лица формы. Спокойствіе, величество и геройство остались въ чертахъ лица мертваго Фридриха. Онъ казался быть во силѣ; но жизнь его останется вѣчно наяву. Глаза, коими онъ заставлялъ любить себя и бояться, коими онъ вывѣдывалъ истину и открывалъ тайну въ глубинѣ сердецъ; глаза, коихъ быстроты ни одинъ взглядъ сносить не могъ, глаза сіи были закрыты и лучъ генія не сіялъ въ нихъ болѣе. Неподвиженъ, преисполненъ жалости и удивленія, я все смотрѣлъ на мертваго героя, все чувствовалъ, былъ горестно тронутъ и раздраженъ, огорченъ тѣмъ, что не засталъ его въ живыхъ, не узналъ взгляда его и не слышалъ голоса; озлобленъ вновь, что гнусному служителю дала смерть право показывать героя. Не заставъ Великаго Фридриха въ живыхъ, я радъ былъ смотрѣть на мертваго часть, день, недѣлю. Сколько трудовъ, издержекъ, домогательствъ, дабы увидѣть челоуѣка случайнаго, достопамятную бумагу, мѣсто славнаго сраженія, машину, модель! А я наполнялъ свои чувства зрѣлищемъ рѣдкаго государя, совершеннѣйшаго изъ людей; но вдругъ гусаръ закрылъ Великаго Фридриха опять плащомъ, и сими, яко завѣсомъ смерти, сокрылъ его отъ глазъ моихъ на-вѣки».

Возвратившись изъ чужихъ краевъ, Растопчинъ желалъ служить волонтеромъ во вторую турецкую войну; но графъ Мамоновъ удерживалъ его подъ разными предлогами. «Я бился объ стѣну лбомъ въ 24 года, что не могъ выпроситься подъ Очаковъ» (писалъ онъ впоследствии къ Циціанову). Только Безбородко, отправившійся въ Турцію для мирныхъ переговоровъ, взялъ съ собою Растопчина, какъ надежнаго помощника въ занятіяхъ. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ былъ пожалованъ, 14 февраля 1792 года, камеръюнкеромъ. Потомъ назначенъ посланникомъ въ Португалію; но это намѣреніе рушилось смертью Императрицы.

Ближайшій свидѣтель послѣднихъ минутъ великой монархли и пачала новаго царствованія, Растопчинъ оставилъ любопытную записку объ этихъ событіяхъ ⁽⁸⁾. Вотъ его разсказъ о томъ, какъ узналъ онъ объ опасной болѣзни, постигшей императрицу: «Бывъ въ Англинскомъ магазинѣ, я возвращался домой пѣшкомъ и прошелъ—было Эрмитажъ; но вспомнивъ, что назаутрѣ отъѣзжалъ въ Гатчину, вздумалъ зайдти проститься съ Анною Степановною Протасовою. Вошедъ въ ея комнаты, увидѣлъ я дѣвицу Полетику, и одну изъ своихъ своячинъ въ слезахъ. Онѣ сказали мнѣ о болѣзни императрицы, и были встревожены первымъ извѣстіемъ объ опасности. Анна Степановна давно уже пошла въ комнаты, и я послалъ къ ней одного изъ лакеевъ узнать пообстоятельнѣе о прошедшемъ. Ожидая возвращенія посланнаго, увидѣлъ я вошедшаго въ комнату скорохода великаго князя Александра Павловича, который сказалъ, что онъ былъ у меня въ домѣ просилъ отъ имени великаго князя, чтобъ я пріѣхалъ къ нему скорѣе. Исполняя волю его немедленно, встрѣченъ я былъ въ комнатахъ камердинеромъ Парлантомъ, который, прося меня обождать скорого возвращенія его императорскаго высочества, сказалъ, что императрицѣ сдѣлался сильный параличій ударъ въ голову, что она безъ всякой надежды и, можетъ—быть, въ сію минуту и не въ живыхъ. — Спустя минутъ пять, пришелъ и великій князь. Онъ былъ въ слезахъ, и черты лица его представляли великое душевное волненіе. Обнявъ меня нѣсколько разъ, Онъ спросилъ: знаю ли я о происшедшемъ съ императрицею? На отвѣтъ мой, что слышалъ отъ Парланта, онъ подтвердилъ мнѣ, что надежды къ спасенію никакой не было и просилъ убѣдительно ѣхать къ великому князю наслѣднику для скорѣйшаго извѣщенія, прямою же къ сему, что хотя графъ Зубовъ и поѣхалъ въ Гатчину, но что я отъ имени его, могу лучше разсказать о семъ несчастномъ происшествіи». Доѣхавъ домой на извозчикѣ, Растопчинъ велѣлъ запретъ маленькія сани въ три лошади и въ часъ приискалъ въ Софію; тогда ужъ было 6 часовъ пополудни. Здѣсь встрѣтился съ нимъ великій князь Павелъ Петровичъ. Растопчинъ передалъ его высочеству возложенныя на него порученія и получилъ приказаніе слѣдовать за великимъ княземъ. Онъ сѣлъ въ сани съ конюшеннымъ офицеромъ Быковымъ и поскакалъ за каретою.

Въ 8¹/₂ часовъ пополудни въѣхалъ въ Петербургъ, въ которомъ весьма—немногіе знали о происшедшемъ. Вскорѣ, по прибытіи во дворецъ, великій князь, призвавъ Растопчина въ кабинетъ, изволилъ ска-

⁽⁸⁾ Бятыньшъ—Каменскій въ біографіи графа Растопчина приводитъ отрывки изъ этой записки, написанной 15 ноября 1796 года.

зять: «Я тебя совершенно знаю таковымъ, какимъ ты есть, и спрашиваю, чтобы ты откровенно сказалъ: чѣмъ ты при мнѣ быть желаешь?» Имѣвъ всегда въ виду истребленіе неправосудія (продолжаетъ Растопчинъ), я, не останавливаясь ни мало, отвѣчалъ: «секретаремъ для пріема просьбъ». Великій князь, позадумавшись сказалъ: «знай, что я назначаю тебя генерал-адъютантомъ, для того, чтобъ ты правилъ Военною Коллегіею».

На Растопчина полились милости новаго императора: въ самый день восшествія Павла I-го на престолъ онъ пожалованъ былъ въ генерал-майоры (8 ноября 1797 г.), въ томъ же мѣсяцѣ (12 ноября) получилъ анненскую ленту, а въ день Высочайшаго коронаванія (5 апрѣля 1798 г.)—орденъ св. Александра Невскаго и 470 душъ въ Орловской Губерніи ⁽⁹⁾. Вскорѣ, однакожь, графъ получилъ отставку отъ своей должности, и это возбудило въ немъ намѣреніе снова отправиться за границу. Гр. С. Д. Воронцовъ, бывший тогда посломъ нашимъ въ Лондонъ, писалъ ему по этому случаю (отъ 1-го юня нов. ст. 1798 года): «Je me fais une très agréable perspective de votre futur voyage dans les pays étrangers. Votre séjour en Angleterre sera pour moi une des plus agréables époques de la vie. Je rêverai un ancien ami, un homme au quel je dois beaucoup et pour le quel j'ai l'attachement, l'estime et la reconnaissance la plus profonde. Croyez mon bon ami, que j'ai pour vous la reconnaissance la plus sincère et que ce que je vous dois ne s'effacera jamais de mon coeur.» Но отставка Растопчина была непродолжительна; 24-го августа того же года онъ былъ назначенъ въ свиту его величества, а въ октябрѣ—третьимъ присутствующимъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Мы оставимъ въ сторошъ дипломатическую дѣятельность его, о которой говорили уже гг. Терещенко и Бантышъ-Каменскій ⁽¹⁰⁾. Для нашей цѣли гораздо-любопытнѣе переписка, которая началась между Растопчинымъ, какъ членомъ Иностранной Коллегіи, и Суворовымъ, который предводительствовалъ въ то время австрійскою арміею. Не официальныхъ писемъ къ Суворову, скрѣпленныхъ только именемъ Растопчина, хотимъ мы коснуться ⁽¹¹⁾, но тѣхъ, гдѣ Растопчинъ является

⁽⁹⁾ Бантышъ-Каменскій въ «Словарѣ Достоп. людей русской земли». Спб. 1847, т. III, стр. 113 — 114.

⁽¹⁰⁾ Терещенки, «Опытъ обзорѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи». (Спб. 1837), часть 4 стр. 205 и слѣд. Бантышъ-Каменскаго, «Словарь», ч. III, стр. 115 — 119.

⁽¹¹⁾ Таковы, напр., письма, напечатанныя въ «Исторіи Россійско-Австрійской Компаніи 1799 г.», Фукса, часть III, стр. 272, 274.

поклонникомъ великаго полководца, жаркимъ защитникомъ его славы. Близкія отношенія такихъ людей не лишены интереса. Здѣсь сталкивались два челоуѣка равно-оригинальные по уму; но неожиданныя, противорѣчившія принятымъ условіямъ свѣта выходки Суворова иногда изумляли Растопчина своею странностью и не находили себѣ оправданія въ его взглядѣ на вещи. Стоить только прочесть статью Растопчина «О Суворовѣ», чтобъ видѣть, какія стороны особенно поразили его (12). Онъ, напримѣръ, рассказываетъ слѣдующіе два анекдота изъ своихъ собственныхъ сношеній съ Суворовымъ: «Сидя одинъ разъ съ нимъ наединѣ, наканунѣ его отъѣзда въ Вѣну, разговаривалъ о войнѣ и о тогдашнемъ положеніи Европы. Графъ Александръ Васильевичъ началъ сперва вычитатъ ошибки цесарскихъ начальниковъ, потомъ сообщать свои собственные виды и намѣренія. Слова текли какъ рѣка, мысли всѣ были чрезвычайнаго челоуѣка: такъ его говорящаго и подобное краснорѣчіе я слышалъ въ первый разъ. Но посреди рѣчи, когда я былъ весь превращенъ въ слухъ и вниманіе, онъ самъ вдругъ изъ Цицерона и Юлія Кесаря обратился въ птицу и зашѣлъ громко пѣтухомъ. Не укротя перваго движенія, я вскочилъ и спросилъ его съ огорченіемъ: «какъ это возможно!» «а онъ взявъ меня за руку, смѣючись сказалъ: «поживи съ моё, закричишь курицей».

«Желая узнать мнѣніе его о знаменитыхъ войнахъ и о военныхъ книгахъ, проходилъ всѣхъ извѣстныхъ полководцевъ и писателей; но при всякомъ названіи онъ крестился. Наконецъ, сказавъ мнѣ на ухо: Юлія Кесарь, Аннибалъ, Бонапарте, Домашній Лечебникъ, Пригожая Повариха, заговорилъ о химіи» (13).

Суворовъ узналъ Растопчина еще въ Турціи и, въ знакъ своего расположенія, подарилъ ему свою военную палатку; дѣятельная же переписка между ними начинается съ того времени, когда Суворовъ отправился, по выраженію Императора Павла въ рескриптѣ къ нему, «спа-

(12) Этой статьи нѣтъ въ Сочиненіяхъ Растопчина изд. г. Смирдина; она напечатана въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1808, № 3, стр. 241 — 249 подъ заглавіемъ: О Суворовѣ (письмо къ издателю Р. В. отъ 28 января 1808 г. с. Вороново). Подъ статью выноска С. Н. Глинки: «Сии драгоцѣнныя преданія о героѣ италійскомъ сообщены издателю графомъ Ф. В. Растопчиннымъ».

(13) Глинка въ «Русскомъ Читеніи» (Спб. 1845, часть I, стр. 227 — 235) приводитъ слышанный имъ отъ Растопчина рассказъ о Суворовѣ. Основаніе его, конечно, можетъ-быть, справедливо, но не думаемъ, чтобы память Глинки могла сохранить въ настоящемъ видѣ и подробности, которыя въ подобномъ случаѣ очень важны: отшлите ихъ—что останется? Потому мы не рѣшались воспользоваться этимъ не вполне-достовернымъ документомъ.